

СТИЛЬ ЖИЗНИ

29.10.
2004

Пьянящая сила бреда и революция

Памяти сюрреализма (1924–1969)

Виктория Шохина

«Изысканный труп будет пить молодое вино» – эта симпатичная фраза возникла во время игры в «чепуху» и стала чем-то вроде пароля сюрреалистов. К своим играм сюрреалисты относились по-детски серьезно. Они верили, что случай – это привет из сюрреальности. И культивировали всё случайное: совпадение, чудо, встречу, ого-

чину мертвецу?» – вопрошал Луи Арагон. Франс для них олицетворял буржуазного писателя. А все буржуазное они презирали. Что, правда, не мешало Арагону вести светский образ жизни, Магритту – быть добропорядочным семьянином, и т.д. Более того, самих сюрреалистов называли «молодыми взбалмошными буржуа, которые хотят уничтожить культуру, потому что им дали образование» (Ж.-П. Сартр).

Сюрреалисты призывали к симуляции дебилности, маниакальности, прогрессивного паралича...

ворки (по Фрейд) – рифмы жизни, называя их «объективными случаями».

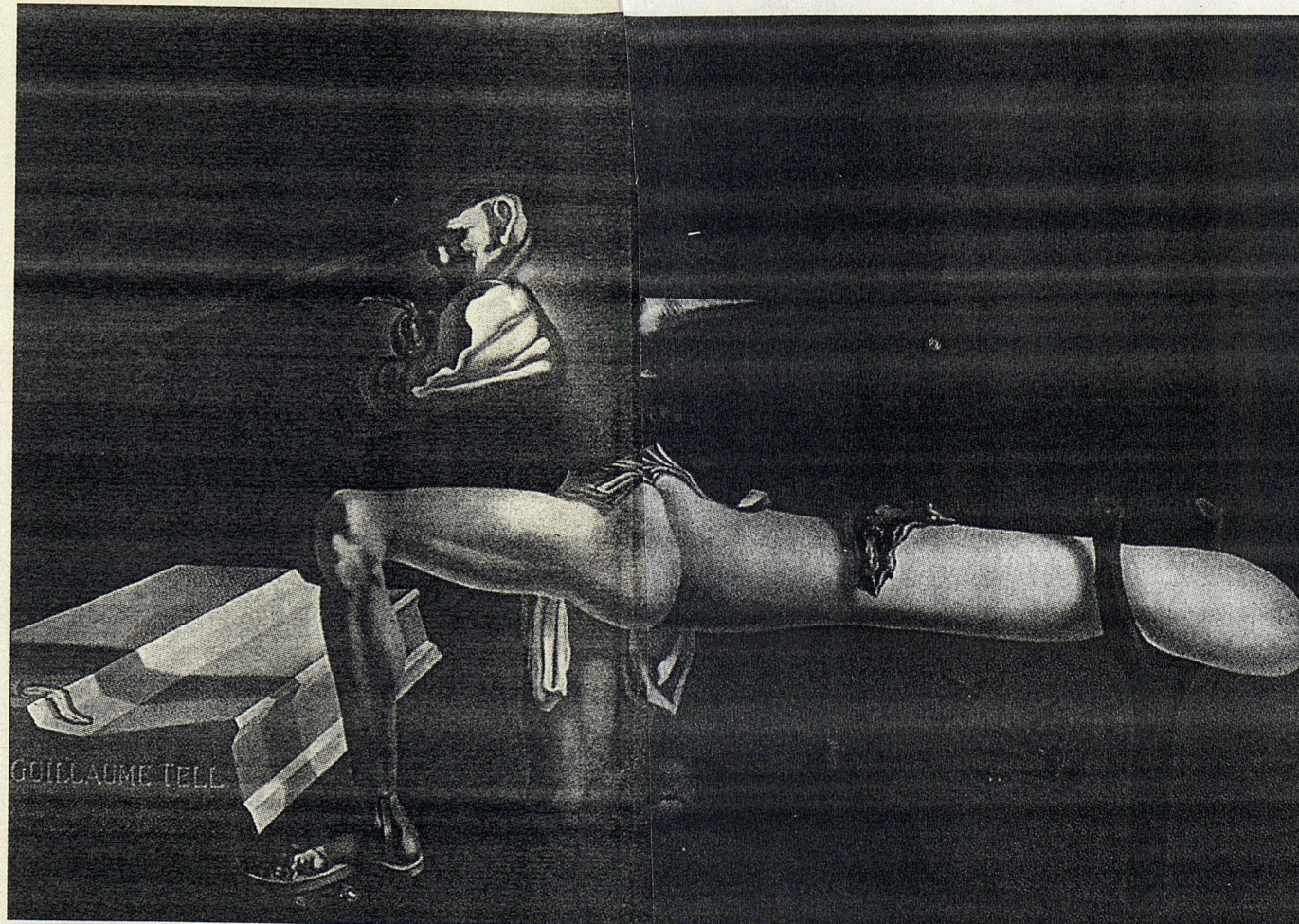
А еще они верили в то, что сновидение, греза, глюк снимают противоречие между воображением и реальностью. И другой их любимой игрой были «сны наяву» – гипнотическое (или наркотическое) погружение в транс. Правда, после того как во время погружения поэт Деснос бросился с ножом на поэта Элюара, играть в нее перестали.

Во всех их затеях было много детского. В том числе – и детская жестокость. В октябре 1924 г. в Париже увидел свет первый «Манифест сюрреализма». А также памфлет под названием «Труп», в котором сюрреалисты призывали всех поплзаться на крышке гроба только что умершего Анатоля Франса. «В погребении отказать!» – объявлял лидер движения Андре Бретон. «Вы когда-нибудь давали поще-

То, что выходило за пределы нормы, означало прорыв к сюрреальности. Немотивированные преступления считались выражением «чистого бунта» и «абсолютного зла», воспетого Лотреамоном. И девушка, отравившая своих родителей, казалась им символом сопротивления гнету буржуазной семье.

«Все индивидуальное антиобщественно», – говорили сюрреалисты, требуя свободы для пациентов психушек, таких же «героев и мучеников», как «дивный маркиз» де Сад, Ницше, Бодлер.

«Нормальность ставит меня в тупик», – признавался Сальвадор Дали. Бретон и Элюар призывали к симуляции сюрреалистических состояний – дебилности, маниакальности, прогрессивного паралича и т.п. Ибо верили, что «человека может утешить лишь пьянящая сила собственного бреда. Тогда он

«Лирическая ягодица» Ленина никого не шокировала.

Сальвадор Дали. Загадка Вильгельма Телля. 1933 г.

перестанет сторониться людей и самого себя».

Кто-то в симуляции и не нуждался. Так, Антонен Арто, теоретик «театра жестокости», большую часть жизни провел в психушках. Тот же Дали имел диагноз паранойя. Печально внушительен и список участников движения, покончивших с собой. Но известно: из заурядного человека болезнь делает придурка, из талантливого – гения.

Впрочем, такие случаи движения, как Бретон, Элюар, Арагон или Магритт, были абсолютно нормальны. Просто им нравилось все, что разрушает,

давит, вгоняет в дрожь. На ура был встречен фильм Дали и Бунюэля «Андалузский пес» (1928). Глаз, располосованный бритвой; человек, тычущий тростью в отрубленную руку; муравьи, ползущие из дыры на ладони; разлагающиеся ослы... Зрители падали в обмороки, случилось два выкидыша. На круг же 17 минут сюр – и вечная слава!

На страницах журнала «Сюрреалистическая революция» прыгали: апология де Сада как мученика атеизма и почтительные цитаты из Энгельса, запрещенный цензурой текст «Сво-

бода или любовь» и славословия в память о председателе ВЧК Дзержинском. Здесь же эпиграфия погибшим на войне: «Давай, вперед, уродина, / Ведь это ради родины. / Мы и подошли скопом, / Засунув палец в жопу...» («Мы сюрреалисты, мы не любим свое отечество».)

«Самый простой сюрреалистический акт состоит в том, чтобы с револьвером в руке выйти на улицу и стрелять наугад, сколько можно, в толпу», – писал Бретон в «Манифесте сюрреализма» (1929). Кажется, для них не было ничего святого. Но Дали вспоминал: «Изображать кровь мне разре-

шили. По желанию я мог добавить туда немного каки. Но на каку без добавок я уже права не имел. Мне было позволено показывать половые органы, но никаких анальных фантазмов. <...> К лесбиянкам они относились вполне доброжелательно, но совершенно не терпели педерастов».

В жизни, не считая внутренних разборок и мелких скандалов, пьяных драк и т.п., сюрреалисты чересчур далеко не заходили – это аплодисменты на показе фильма «Броненосец Потемкин» (1926) и пощечина, которую Бретон дал Илье Эрен-

бургу на Конгрессе в защиту культуры (1935).

Прекрасная Дама сюрреализма – русская женщина Гала. Ее первым мужем стал Поль Элюар, от которого она родила дочь. Один из ее многочисленных любовников – художник Макс Эрнст. Они пытались жить втроем, пока на горизонте не возник Сальвадор Дали. Ему было 25 лет, и он был девственником-онанистом. Страстная дружба с Федерико Гарсиа Лоркой так и осталась (если верить Дали) платонической. А вагина вызывала у него неодолимое отвращение.

Гала была на 10 лет старше Дали и несоизмеримо опытнее. Он посвящал любимой стихи, несколько однообразные, но искренние: «...Ее глаза похожи на ее анус / Ее колени похожи на ее уши / Ее ягодицы похожи на палец ее руки...»

Слова «бунт» и «революция» – ключевые в арсенале сюрреалистов. И, наверное, коммунизм казался им таким же свежим и эпатажным, как творчество душевнобольных или дикие преступления юных дев. В 1927 г. Бретон, Арагон, Элюар, Юник и Пере вступили в Компартию Франции.

Дабы подразнить товарищей, Дали решил написать Ленину «с ягодицей трехметровой длины <...>. На руках у него будет маленький мальчик – это буду я. Но он будет смотреть на меня людоедскими глазами, и я закричу: «Он хочет меня съесть!..» Но ягодица Ленина никого не шокировала. (Зато шокировала «мягкая, пухлая спина» Гитлера, очаровавшая Дали.)

Быть одновременно коммунистом и сюрреалистом оказалось Эрнста или Кирико в журнале «Сюрреалистическая революция», товарищи из ФКП спрашивали: «Что это означает?»

Кроме того, сюрреалисты предпочитали кесарю Сталину изгнанника Троцкого – он как раз входил тогда в моду. И в конце концов Бретона и Элюара из партии исключили (Элюар потом вернется).

Арагон к тому моменту был уже женат на Эльзе Триоле, она же – Эльза Каган, сестра Лили Брик, но не такая сексапильная. («Прямая противоположность женщины», – говорил Бретон.) Тем не менее Эльзе удалось обратить красавца мужа в правозверного коммуниста. И вместо забойных манифестов и причудливых стихов он стал писать скучные статьи о соцреализме и романы о коммунистах. (На склоне лет Арагон скажет: «Я исковеркал свою жизнь».)

Троцкий отнюдь не был поклонником «бунтующей богемы». Но ему, загнанному в угол, нужны были сторонники. Манифест «За независимое революционное искусство» (1938), написанный Бретоном и Троцким, обличал «леву» интеллигенцию Запада, «вставшую на колени перед советской бюрократией». И если бы не ледоруб Меркадера – кстати, вполне сюрреалистический акт! – их сотрудничество вполне могло обернуться какими-нибудь красочными неожиданными.

Парижский май 1968-го проходил под лозунгами: «Да здравствует сюрреализм!», «Будьте реалистами – требуйте невозможного», «Вся власть воображению!», «Насилуйте вашу alma mater» и т.п. Это был последний всплеск. В октябре 1969-го манифест в «Монде» объявил о конце движения сюрреализма.

... Нам же по признаку сродности сродности, сны гитлеровца, Напоблы Лимонова, видения Проханова и замогильный смехок Мамлеева. ■